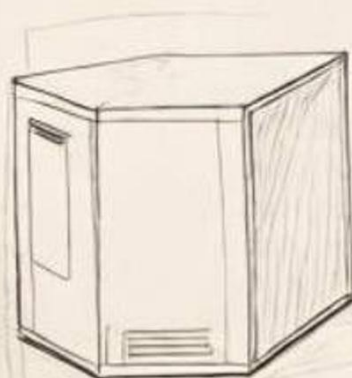

Сари Лада

Слой

Сари Лада

Слой

«Автор»

2026

Лада С.

Слой / С. Лада — «Автор», 2026

Инженер Ярослав Северов умеет строить системы. Только не с людьми. Перейдя из оборонной промышленности в экологический стартап, он задумывает «Слой» — распределённую сеть умных узлов, которые помогут городу увидеть, куда исчезает его мусор. Технически — безупречно. Человечески — мимо. Жильцы отказываются. Коллеги задают неудобные вопросы. А на полигоне за городом гудит вхолостую дорогой немецкий автомат — и рядом стоит рабочий в перчатках, который делает его работу руками. «Слой» — это повесть о том, как умный человек учится отличать хорошо спроектированную систему от той, которая действительно нужна людям. О разнице между «построить для» и «построить вместе». О блокноте, который всегда открыт на чистой странице. Тихая, точная проза — без героизма и катастроф. Только инженер, город и вопрос, который он задаёт себе всё честнее.

© Лада С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Полигон	5
Глава 3. Сборка	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Сари Лада Слой

Глава 1. Полигон

Запах приходит раньше, чем полигон становится виден.

Сначала это просто что-то тяжёлое в воздухе — не совсем органика, не совсем химия, что-то среднее, что нельзя описать точно, но можно узнать раз и навсегда. Ярослав открыл окно машины на съезде с трассы, вдохнул и сразу закрыл. Уже не забудешь.

Дорога пошла хуже. Асфальт кончился, начался бетон, потом бетон с трещинами, потом просто укатанная глина с остатками щебня. По обочинам — полосы пластиковых пакетов, как флаги без страны. Некоторые намертво вошли в землю, только углы торчат. Другие летят низко, задевают кусты, возвращаются.

Ярослав ехал сюда не по работе. Это было важно — не по работе. Никакого задания, никакого отчёта. Просто смотреть.

* * *

Полигон открылся за поворотом — сразу, без предупреждения.

Он всегда думал, что свалки выглядят как горы. Это неточно. Правильнее — как местность. Как отдельный рельеф, который вырос из земли по своим законам: пологие склоны там, где отходы слёживались годами, крутые осыпи там, где их сваливали недавно, длинные ровные площадки, похожие на плато. Над дальним краем висел туман — плотный, неподвижный, как будто осевший прямо на отходы.

У ограждения стоял охранник в оранжевом жилете поверх куртки. Молодой, с термосом. Посмотрел на машину Ярослава, потом на него самого, потом снова на машину.

— Журналист? — спросил он без особой враждебности. Скорее привычно.

— Нет. Инженер.

— Инженеры обычно с пропусками приезжают.

— Я не по пропуску. Просто смотрю.

Охранник подумал секунду. Пожал плечами: смотри, не моё дело. Отвернулся к термосу. Ярослав подошёл к ограждению — сетка-рабица, местами прогнутая, с нанизанными кусками целлофана — и смотрел.

* * *

Над полигоном кружили чайки.

Это было неожиданно. До моря отсюда километров семьдесят, но чайки нашли дорогу — как они всегда находят дорогу туда, где есть еда. Они пикировали, поднимались, кричали. Несколько штук сидели прямо на куче у ближнего края, деловито копались в чём-то. Белые птицы на фоне серого неба.

Ярослав достал телефон, сделал снимок. Потом убрал телефон. Снимок не передаст запах, движение, масштаб. Снимок сделает из этого красивое.

Это не красивое.

Экскаватор двигался в дальней части полигона — большой, жёлтый, неторопливый. Он перекапывал один из старых откосов, перемещал слои. Зачем — отсюда не понять. Может, готовят место под новые поступления. Может, по технологической карте положено перелопачивать раз в сколько-то лет. Может, просто потому что экскаватор есть и его нужно задействовать.

Рядом с экскаватором стоял человек в защитном комбинезоне и смотрел в планшет.

* * *

Когда Ярослав учился в Бауманке, на первом курсе был предмет, который назывался «Введение в системный анализ».

Преподаватель — маленький лысый человек с привычкой говорить в пол — в первый же день написал на доске одну фразу и больше к ней не возвращался: «Система — это то, что ведёт себя как система». Половина курса записала, половина решила, что это тавтология и записывать не стоит. Ярослав записал и потом несколько лет думал, что это значит.

Сейчас, глядя на полигон, он думал об этом снова.

Полигон — это система. У него есть входящие потоки: грузовики, которые свозят отходы со всей области. Есть внутренние процессы: осадка, разложение, перекопка. Есть выходящие потоки: фильтрат, чайки, которые разносят что-то по округе. Система работает. Система работала до него, будет работать после. Ни один человек на этом полигоне — ни охранник с термосом, ни человек с планшетом, ни водители грузовиков — не отвечает за систему целиком. Каждый отвечает за свой участок.

Нельзя управлять тем, чего не видишь целиком.

Он написал это в блокноте — старом, бумажном, с потрёпанной обложкой. Телефон он для записок не использовал принципиально: телефон умеет напомнить о записи, но не умеет дать ей отлежаться.

* * *

В «ЗАСЛОН-СРЕДА» он перешёл два года назад.

До этого восемь лет — оборонные проекты. Хорошая работа, интересная работа: алгоритмы для автономных морских дронов, системы навигации в условиях радиоэлектронного подавления, логика принятия решений в ситуациях, когда связь с оператором прервана. Задачи были настоящие — сложные, с настоящими последствиями, с настоящей ответственностью.

Он не ушёл потому, что задачи стали неинтересными.

Он ушёл — и объяснить это по-прежнему трудно — потому что однажды понял: он строит системы, которые решают проблемы, которые он же помогает создавать. Это было не озарение, не кризис совести, не разговор с кем-то умным. Просто в один обычный день, читая технические требования к новому проекту, он поймал себя на мысли, которую раньше не додумывал до конца: всё это работает, потому что мир устроен так, что это нужно. Но мир устроен так не сам по себе.

Он попросил перевод в «ЗАСЛОН-СРЕДА». Геннадий Борисович — тогда ещё просто директор нового подразделения, а не его непосредственный начальник — смотрел на него с выражением человека, который не уверен, что правильно расслышал.

— Ты понимаешь, что у нас сейчас нет нормального финансирования? — сказал он наконец.

— Понимаю.

— И что зарплата будет меньше?

— Понимаю.

— И что мы ещё сами не очень понимаем, что именно строим?

— Вот поэтому и хочу.

Геннадий Борисович помолчал. Потом сказал: «Ладно». Это было всё собеседование.

* * *

Жена узнала вечером того же дня.

Оля не была против экологии. Это важно — она правда не была против. Она подписывала петиции, сортировала мусор в четыре контейнера, покупала вещи у брендов с зелёными сертификатами. Она понимала, что это важно.

Она не понимала другого.

— Почему ты мне не сказал раньше? — спросила она. Не «почему ты уходишь», не «ты подумал о деньгах». Именно это — почему не сказал.

Он не знал, что ответить. Потому что он и сам узнал только сегодня. Потому что это было его решение, а не их общее. Потому что он привык думать о системах, а не советоваться с людьми внутри них.

Он не сказал ни одного из этих ответов. Он сказал: «Я хотел сначала разобраться сам».

Она смотрела на него долго. Потом кивнула — тем кивком, который ничего не означает, кроме «я услышала».

Через год она ушла. Не из-за перевода — или не только из-за перевода. Из-за того, что за год она поняла: он всегда сначала разбирается сам. Всегда. А она никогда не была частью этого «сам».

Ты строишь системы для людей, но не умеешь строить ничего вместе с людьми. Это она сказала в последний разговор. Он тогда решил, что это несправедливо. Сейчас, глядя на полигон, он не был уверен.

* * *

Слева от ограждения появился новый звук — низкий, механический, равномерный.

Ярослав обернулся.

В двадцати метрах, у бетонного навеса, стоял сортировочный автомат. Большой, похожий на промышленный принтер, только раз в пять крупнее. На боку — наклейка с логотипом немецкой компании, которую Ярослав знал: хорошее оборудование, надёжное, дорогое. Рядом с автоматом стоял рабочий в комбинезоне и вручную перебирал отходы на сортировочном столе — медленно, в плотных перчатках, откладывал в разные стороны пластик, стекло, металл.

Звук шёл не от автомата.

Автомат не работал. Он просто стоял — включённый, гудящий вхолостую, с открытой боковой панелью. Внутри что-то явно было сломано — Ярослав видел, что несколько кабелей отсоединены, концы аккуратно заизолированы. Не авария — плановая остановка. Кто-то его уже разобрал.

Он подошёл ближе. Рабочий — мужчина лет сорока пяти, с усталым и одновременно совершенно спокойным лицом — посмотрел на него, не останавливаясь.

— Давно стоит? — спросил Ярослав, кивнув на автомат.

— Второй месяц.

— Запчасти?

— Запчасти, — подтвердил рабочий. — Поставщик говорит — через три недели. Потом говорит — через две. Потом — через месяц. Видите паттерн?

Он говорил ровно, без жалобы. Просто констатировал.

— И что — всё это время вручную? — Ярослав кивнул на стол.

— А что делать. Объём не ждёт.

Он снова взялся за сортировку. Пластиковая бутылка — направо. Картонная коробка — налево. Что-то смятое, неопределимое — секундная пауза, оценка, тоже налево.

Ярослав смотрел на его руки. Руки работали без остановки, без лишних движений, с точностью, которую никакой автомат не воспроизведёт за счёт скорости. Только за счёт понимания — что это такое, откуда оно, куда должно идти.

Этот человек знал систему лучше, чем любой датчик.

И этот человек вдыхал это каждый день.

* * *

Ярослав вернулся к машине, когда начало смеркаться.

Ветер сменился, потянул в сторону ограждения. Охранник надел маску — привычно, не глядя. Чайки стали выше, отлетели.

Ярослав сидел за рулём и не заводил двигатель.

Он думал о том, что сортировочный автомат стоит второй месяц. О том, что запчасти не приходят. О том, что человек в перчатках делает работу машины вручную — не потому что машина плохая, а потому что система вокруг машины не держит её в рабочем состоянии.

Машина сломалась. Система не сломалась — система просто переключилась обратно на человека. Как будто человек — это резервный режим.

Задача не в том, чтобы построить машину, которая сортирует лучших человека. Задача в том, чтобы система не переключалась обратно на человека, когда машина ломается. Или — чтобы она переключалась на человека достойно. Не вот так.

Он открыл блокнот и написал это. Почти дословно — так, как сложилось в голове, без редактуры. Потом ещё одну строчку:

— Карты устаревают быстрее, чем реальность. Любые карты.

Это было не про полигон. Это было про то, что любая система, спроектированная в кабинете, встречает реальность, которая уже успела измениться. И либо ты это закладываешь — устойчивость к изменению, а не только к поломке — либо ты строишь дорогой сортировочный автомат, который стоит и гудит вхолостую.

Он завёл двигатель.

* * *

Обратно ехал медленно.

Трасса на Петербург была почти пустой — поздний будний день, грузовики уже прошли. Справа тянулся лес — сосны, берёзы, что-то мелкое у обочины. Хороший лес. Обычный.

Ярослав думал о «СЛОЕ».

Идея существовала уже восемь месяцев — сначала как образ, потом как набросок, потом как концепция с примерной архитектурой. Распределённая сеть автономных узлов — не на заводах, а прямо в городской среде: во дворах, в школах, на рынках. Узлы не просто сортируют — они делают процесс видимым. Показывают, что происходит с конкретной вещью после того, как человек её выбросил. Не в теории, не в инфографике — буквально: вот эта бутылка, вот куда она пошла, вот что из неё стало.

Это звучало красиво в концепции.

Сегодня он видел, как выглядит реальность этой концепции через несколько лет эксплуатации: гудящая машина с открытой панелью и человек в перчатках рядом.

Значит, нужно проектировать иначе.

Не «машина, которая не ломается» — это невозможно. А система, которая остаётся честной, когда что-то ломается. Которая не прячет поломку — а показывает её. Которая не переключается на резервный режим молча — а говорит людям: сейчас так, потому что это сломалось, вот что происходит, вот что нужно сделать.

Прозрачность не как принцип. Прозрачность как инженерное требование.

Он записал и это.

Страница была уже наполовину исписана — хотя утром была пустая. Это хороший признак. Это значит, что день был настоящий.

* * *

В Петербург въехал в сумерках.

Город принял его обычно: пробка на въезде, мокрый асфальт после дневного дождя, жёлтые фонари над проспектом. Всё то, что он видел каждый день и перестал видеть — как перестают видеть то, что всегда на месте.

Но сегодня он смотрел.

Вот магазин — витрина, за витриной товары в упаковке, упаковка в пакете, пакет в руке, рука в мусорное ведро к вечеру. Вот кафе — столики на улице убрали на зиму, но остались следы: кольца от стаканов на бетоне, несколько одноразовых крышечек у бордюра. Вот стройка

— строительный мусор в контейнерах, часть мимо контейнеров, часть накрыта плёнкой, которую ветер уже начал отрывать.

Это не катастрофа. Это обычный город.

Но обычный город — это и есть система. Со своими входящими потоками, внутренними процессами и выходящими. И эта система никуда не смотрит — она просто работает, потому что так устроена.

Изменить её нельзя снаружи. Можно только изнутри.

Вот зачем «СЛОЙ».

Не чтобы убрать мусор. Чтобы система начала видеть себя.

Глава 2.

Совещание

Переговорная «ЗАСЛОН-СРЕДА» называлась «Акварин» — кто-то из административного отдела однажды решил, что все переговорные должны иметь имена, и назвал их по цветам. Был ещё «Индиго» и «Опал». Ярослав каждый раз думал, что это похоже на попытку сделать пространство мягче, чем оно есть. Стекло, жёсткие стулья, кондиционер, который гудит чуть громче, чем нужно. Никакого акварина.

На столе стояли бумажные стаканы с кофе. Четыре штуки — по числу участников. Ярослав смотрел на них несколько секунд, потом перевёл взгляд на экран. Не сказал ничего. Это была не та битва, которую стоило начинать сейчас.

* * *

Их было четверо.

Геннадий Борисович — директор по развитию, пятьдесят два года, человек, который умел слушать так, что говорящий чувствовал себя умным. Это был редкий навык, и Ярослав его уважал, хотя иногда ловил себя на мысли: слушать — это ещё не значит слышать.

Вера Михайловна — финансовый директор, сорок восемь, с блокнотом, в котором всё уже было посчитано до начала разговора. Она никогда не приходила на совещания с вопросами. Только с ответами, которые ждали своего вопроса.

Константин — главный инженер оборонного крыла, возраст неопределённый, из тех людей, которые выглядят одинаково в сорок и в шестьдесят. Сидел в дальнем конце стола, руки сложены. Ярослав не был уверен, что Константин вообще читал материалы. Но Константин всегда читал материалы.

И сам Ярослав — с ноутбуком, с распечатанной концепцией, с ощущением, что он готовился к другому разговору.

* * *

Он начал с картинки.

Не потому что любил картинки — он их не любил. Но восемь лет в технических проектах научили его: если начать с архитектурой схемы, потеряешь половину аудитории на третьей минуте. Начни с образом — и у тебя есть время дойти до схемы.

На экране появился двор. Обычный петербургский двор — колодец, облупленная штукатурка, детская площадка с одними качелями. Между припаркованными машинами — небольшой модуль, примерно с холодильник размером, матовый, без лишних деталей.

— Это узел «СЛОЯ», — сказал Ярослав. — Он стоит во дворе. Жилец подносит к сканеру то, что обычно выбрасывает: упаковка, бутылки, плёнка. Узел за секунду определяет материал, показывает на небольшом экране — что это такое, куда это пойдёт, что из этого получится. Если фракция принимается — механизм сам опускает вещь в нужную секцию внутри, пластик и картон прессуются. Не принимается — экран объясняет почему и куда нести. Не абстрактно. Конкретно: вот эта бутылка, вот этот завод, вот эта продукция.

Геннадий Борисович кивнул. Вера Михайловна писала что-то в блокноте. Константин смотрел на экран.

— Дальше, — сказал Геннадий Борисович.

* * *

Следующие двадцать минут Ярослав говорил об архитектуре.

Распределённая сеть: не один центр, а множество узлов, каждый автономен, но связан с остальными. Отказ одного не роняет систему. Данные с узлов собираются в общую картину — что происходит с отходами в реальном времени, по районам, по типам материалов, по сезонам. Это то, чего сейчас не существует ни в одном российском городе: живая карта материального потока.

Он показал прототип интерфейса. Показал алгоритм распознавания — не идеальный, шестьдесят восемь процентов точности на текущем датасете, но это пилотная версия. Показал расчёт по энергопотреблению — каждый узел работает от сети и от небольшого генератора, в паре как резерв.

Говорил хорошо. Он это чувствовал — не самодовольно, а как инженер чувствует, что расчёт сошёлся: всё на месте, всё держится.

Потом Вера Михайловна подняла голову от блокнота.

* * *

— Кто платит за обслуживание через три года? — спросила она.

Не «кто платит сейчас» — сейчас был государственный контракт, это все знали. Именно через три года. Когда контракт закончится, когда первоначальный интерес угаснет, когда система станет инфраструктурой — обычной, скучной, требующей денег.

Ярослав ответил честно.

— Пока не знаю точно. Есть несколько моделей: муниципальное финансирование как городская инфраструктура, частичная самокупаемость через продажу данных переработчикам, корпоративные партнёрства с производителями упаковки — им выгодно знать, что происходит с их материалом.

— «Пока не знаю» — это не ответ на финансовый вопрос, — сказала Вера Михайловна. Без агрессии. Просто констатация.

— Знаю. Но «пока не знаю» точнее, чем уверенная цифра, которую я выдумаю прямо сейчас.

Небольшая пауза. Геннадий Борисович чуть улыбнулся — краем.

— Честно, — сказал он.

— Не очень практично, — ответила Вера Михайловна. Но что-то записала.

* * *

Потом заговорил Геннадий Борисович.

Он говорил хорошо — так, как говорят люди, которые умеют поддерживать проект и одновременно давить на него, и делать это так, чтобы это ощущалось как помощь.

— Ярослав, я верю в концепцию. Мы все видим, куда движется рынок, мы понимаем, что «ЗАСЛОН-СРЕДА» должна занять место, пока оно есть. Но у меня вопрос практический: шесть месяцев — реально?

— Пилот — реально. Один район, десять узлов, базовая аналитика.

— Десять узлов за шесть месяцев с командой в три человека.

— Плюс производство — мы отдаём на аутсорс корпус и механику, внутри делаем электронику и софт сами.

Геннадий Борисович смотрел на него с выражением, которое Ярослав уже научился читать: это не сомнение в нём лично, это сомнение в том, что любой человек сделает то, что обещает, когда время начнёт давить.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Десять узлов, шесть месяцев. Если пилот показывает измеримый результат — расширяем. Если нет — честно говорим: не получилось, закрываем без стыда.

Это было справедливо. Ярослав кивнул.

* * *

Потом заговорил Константин.

Он не задавал вопросов. Он сделал то, чего Ярослав от него не ожидал: он рассказал историю.

— В девяносто восьмом году, — начал Константин, — мы сдавали комплекс для одного заказчика. Не буду уточнять, кому и что. Система была хорошая, мы в ней были уверены. Сдали, передали, уехали. Через полгода — звонок: система работает, но операторы её не используют. Включают в ручной режим и работают по старому. Не потому что не умеют. Умеют. Просто не доверяют.

Он помолчал.

— Мы тогда ещё год потратили на то, чтобы понять: проблема была не в системе. Проблема была в том, что мы не объяснили людям, как она думает. Они не понимали её логику — и поэтому не доверяли. Хорошая система, которой не доверяют, — это просто дорогое оборудование.

Он посмотрел на Ярослава.

— Ты думал об этом?

— Думал, — сказал Ярослав. — Поэтому интерфейс узла строится на объяснении, а не только на результате. Он показывает, что делает и почему — до того, как сделает. Человек видит процесс, прежде чем механизм срабатывает. Это разница между автоматом и системой, которой доверяют.

Константин кивнул. Один раз, медленно.

— Посмотрим.

Больше он не сказал ничего.

* * *

Решение приняли за семь минут.

Пилот одобрен. Бюджет — меньше запрошенного на двадцать три процента, что Ярослав принял молча: он просил с запасом именно потому, что знал, что срежут. Срок — шесть месяцев. Команда — три человека плюс возможность привлечь одного стажёра от технического университета.

Геннадий Борисович закрыл ноутбук, встал, пожал Ярославу руку. Вера Михайловна ушла первой, уже читая что-то в телефоне. Константин задержался на секунду у двери, посмотрел на Ярослава — не оцениваяюще, скорее как смотрят на что-то, о чём ещё не вынесли суждения — и вышел.

Ярослав остался один в «Аквамарине».

На столе стоял его бумажный стаканчик — почти нетронутый: он забыл пить кофе.

* * *

Он сидел минут пять.

Не потому что устал. Потому что хотел поймать момент до того, как он растворится в следующем — в списке задач, в письмах, в звонке подрядчику по корпусам.

Совещание прошло хорошо. Это объективно. Проект одобрили, деньги дали, срок поставили разумный. Геннадий Борисович — союзник, Константин — как минимум не противник, Вера Михайловна — честный скептик, что лучше нечестного энтузиаста.

Но что-то не отпускало.

Он продал им машину.

Он говорил о узлах, об алгоритмах, о точности распознавания, о данных. Он говорил о системе как об устройстве. И они это купили — потому что устройство понятно, устройство можно посчитать, устройство можно сдать через шесть месяцев и измерить.

Но то, что он хотел построить — не устройство.

Он хотел построить момент, в который человек смотрит на бутылку в своих руках и думает о ней иначе, чем думал вчера. Не потому что прочитал статью или посмотрел документальный фильм. А потому что увидел это во дворе своего дома, сам, своими руками опустил бутылку в узел и увидел, что с ней происходит.

Это нельзя было продать на совещании.

Это можно было только построить и показать.

Значит, сначала строишь. Потом объясняешь, что построил.

Он открыл блокнот и написал это. Потом поставил под этим вопросительный знак. Потом зачеркнул вопросительный знак и написал снова — уже без него.

* * *

В коридоре его догнал Константин.

Это было неожиданно — Константин не из тех людей, которые догоняют в коридоре.

— Ты слышал про «Ленинец»? — спросил он без предисловий.

Ярослав кивнул. Историческое ядро «ЗАСЛОНа» выросло из советского завода «Ленинец» — это знал каждый в холдинге.

— Я там начинал, — сказал Константин. — В восемьдесят девятом. Тогда всё менялось, никто не понимал, что будет дальше. Многие уходили. Я остался — не потому что боялся уйти. Потому что думал: если такие, как я, уйдут, кто будет делать то, что мы умеем делать?

Ярослав слушал. Константин говорил медленно, как человек, который не привык говорить о себе и поэтому выбирает каждое слово.

— Ты уходил из оборонки по той же логике? — спросил он. — Только наоборот?

Ярослав подумал секунду.

— Примерно.

— Понятно. — Константин помолчал. — Люди — это самый непредсказуемый элемент в любой системе. Ты это знаешь?

— Знаю.

— Нет, — сказал Константин спокойно. — Пока не знаешь. Узнаешь в процессе.

Он кивнул и пошёл по коридору. Ярослав смотрел ему вслед.

* * *

Вечером он сидел на кухне с блокнотом.

Оля ушла восемь месяцев назад — из этой же квартиры, с этой же кухни. Теперь на столе стояла одна кружка, не две, и это была та мелкая арифметика потери, к которой он так и не привык.

Он думал о совещании.

Не о бюджете, не о сроках. О Константине и его истории из девяносто восьмого года. Об операторах, которые включали систему в ручной режим не потому что не умели — а потому что не доверяли. Потому что не понимали, как она думает.

Это был хороший урок. Важный. Но Ярослав чувствовал, что это не весь урок.

Операторы из той истории не доверяли системе, потому что не понимали её логику. Но была ещё одна возможность: они не доверяли системе, потому что их не спросили, нужна ли она им вообще. Потому что кто-то умный где-то в другом месте решил, что она нужна, и привёз, и поставил, и сказал: вот, пользуйтесь.

Хорошая система, от которой отказались, — это не просто дорогое оборудование. Это вопрос, на который ты не ответил.

Он записал. Посидел. Налил ещё чаю.

За окном был петербургский вечер — серый, фонарный, с дождём, который начался без объявления и так же закончится. Ярослав любил этот город — не за красоту, хотя красота была, а за то, что он не притворялся другим. Петербург был честным городом. Он ничего не обещал, кроме себя.

Завтра начинается настоящая работа.

Он закрыл блокнот, убрал кружку, выключил свет на кухне.

В темноте на столе остался только блокнот — и он не взял его с собой намеренно. Пусть отлежится. Утром он будет читать это свежим взглядом и увидит, что настоящее, а что — вечерний шум в голове.

Обычно это были разные вещи. Иногда — одно и то же.

Глава 3. Сборка

Соня пришла первой.

Ярослав ещё только открывал временный офис — небольшое помещение на первом этаже здания «ЗАСЛОН-СРЕДА», которое им выделили под пилот: два стола, три стула, доска на стене, запах свежей краски — а она уже стояла в коридоре с рюкзаком и термосом, читала что-то в телефоне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.